Рецензии

УДК 398.4(049.32)

DOI: 10.28995/2658-4158-2021-1-186-195

Маги, фокусники, акробаты, джинны:
призвание, профессия, образ жизни.

Размышления вокруг книги: *Zubrzycki J. Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India. New Delhi: Picador India, 2018. 457 p.*

Светлана И. Рыжакова

*Институт этнологии и антропологии РАН,
Россия, Москва, SRyzhakova@gmail.com*

Для цитирования: Рыжакова С.И. Маги, фокусники, акробаты, джинны: призвание, профессия, образ жизни: Размышления вокруг книги: Zubrzycki J. Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India. New Delhi: Picador India, 2018. 457 p. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 1. С. 186–195. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-1-186-195

Mages, conjurers, acrobats, jinnes:
vocation, profession, lifestyle.

Reflections around the book:
Zubrzycki J. Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India. New Delhi: Picador India, 2018. 457 p.

Svetlana I. Ryzhakova

*Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Science, Russia, Moscow, SRyzhakova@gmail.com*

For citation: Ryzhakova, S.I. (2021), "Mages, conjurers, acrobats, jinnes: vocation, profession, lifestyle. Reflections around the book: Zubrzycki J. Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India. New Delhi: Picador India, 2018. 457 p.", Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion, no. 1, pp. 186–195. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-1-186-195

© Рыжакова С.И., 2021

Моя рижская подруга, чей дом – пристанище невероятного количества чудес и необычайных обитателей, однажды вернулась с магического шоу вместе с фокусником, симпатичным парнем из Таллинна: он приехал на пару представлений, да задержался на месяц. В нашем доме начались чудеса: каждый вечер комнаты преобразались в лаборатории, где все мы наблюдали и сами репетировали странные вещи: учились завязывать удивительные узлы, вынимать из шляпы кролика и распиливать друг друга на части. Со временем мы поняли почти все: фокусник раскрыл свои тайны, а показывая что-то новое, он честно признавался: здесь нет никакого колдовства, только ловкость рук и смекалка. Но, оказывается, не только! Внезапное исчезновение шарика для пинг-понга долго оставалось непостижимым чудом: мы глядели во все глаза, а шарик куда-то скрывался. Куда?.. Оказалось, за наши спины, куда его ловко перебрасывала рука профессионала. Но все мы могли поклясться, что не видели этого взмаха, не замечали летящего предмета. Как такое возможно? Все мы, очевидно, смотрели не туда. На этом построено множество фокусов: ходы мыслей и движение глаз, оказывается, весьма предсказуемы, чем и пользуются мастера трюков и воры-карманники. Мы смотрим куда и как хотим, и все же вокруг нас сокрыты мириады невидимых вещей.

Во многих странах и обществах чудеса – это дело, которым традиционно занимается ряд профессиональных сообществ: фокусников, жонглеров, акробатов, мистификаторов и близких к ним артистов. Категория «чудесного» по-разному представлена в художественных профессиях: в одних случаях это развлекающие широкую публику трюки, в других – тонкое мастерство владения голосом, инструментом, телом. Однако во всех случаях речь идет о впечатлении, удивлении, иногда даже поражении. «Впечатли меня», – ведь так просил знаменитый импресарио Сергей Дягилев стремящегося войти в его труппу нового артиста.

Артисты оригинального жанра, цирковые артисты, фокусники, гимнасты, а также кукольники во всем мире составляют особые, очень часто семейные, наследственные, относительно замкнутые и закрытые сообщества. Так, на протяжении многих лет моими соседями по дому в Москве были воздушные гимнасты семьи Волжанских; в свое время они были знамениты своей удивительной техникой и художественными приемами, составлявших передаваемое из поколения в поколение наследие. Жесткая дисциплина и тренируемая выносливость сочеталась с повседневной веселостью нрава, а подчас и эксцентричностью. Я выросла в этой среде, впитала артистический запах, в котором в предельно ясном и рациональном всегда оставалась незримая тайна: что-то тебе умышленно не расскажут, а что-то оказывается просто и невозможно рассказать:

техники тела окутаны множеством вроде бы очевидного, но необъяснимого.

Позднее мои занятия индийским танцем и индийской музыкой только укрепили это понимание; я начала ходить в класс после того, как увидела чудо владения техникой, умения одновременно различать и синтезировать ритмический рисунок и мелодию, четко артикулировать «ландшафт» и «походку» ритмического цикла и в то же время воспарять в пробивающем мироздании звуке или телесном движении – повороте, прыжке, линии. Акробатическое начало есть и в музыке, и в танце, и в драматической постановке, и нередко именно этого жаждет массовый зритель: разнообразие форм визуальных наслаждений. В том же, что вся Индия – это «страна чудес», я убедилась, не только прочитав известную книгу Артура Л. Бэшема «Чудо, которым была Индия» [Basham 1954, Бэшем 2000], но и начав собственные путешествия по этой стране.

В декабре 1899 г. лондонский журнал *Strand Magazine* в свойственной ему прямолинейной манере заявил: «Спроси обычного человека, чем таким Индия особенно знаменита, и – шансы десять к одному – что он проигнорирует и славу Тадж Махала, и благо британского управления, и даже мистера Киплинга, и не сомневаясь ответит одним словом: “Фокусники”»¹.

Живущий в Сиднее (Австралия) Джон Зубржицки – специалист по истории Южной Азии и языку хинди, живший и работавший в Индии как журналист, дипломат и туристический гид. Уже известный своей блестящей работой о последнем низаме Хайдерабада, в последние годы он обратился к теме профессиональных магов, фокусников и мистификаторов Индии. Его предыдущая книга – «Таинственный господин Джакоб: торговец алмазами, маг и шпион» – уже завоевала определенный интерес широкого читателя. В 2018 г. в издательстве *Picador* вышла его последняя книга, внимание на которую следует обратить всякому человеку, как просто любопытствующему, так и специалистам, занимающимся этнографией, историей исполнительского искусства, историей религий и повседневности Индии [Zubrzycki 2018]. Она посвящена истории и современному положению различного рода *джаду-вала*, людей, имеющих непосредственное отношение к профессиональной магии, фокусам, трюкам.

Пятнадцать разделов книги похожи на клубы магического дыма: они ведут нас по страницам истории и современности, мы «прыгаем» вслед за автором в глубокое прошлое, во времена

¹ Are Indian Jugglers Humbugs? The Opinion of an Expert. An Interview with Mr. Charles Bertram // *The Strand Magazine*. 1899. Vol. 18. December. P. 657.

ведийской древности, возвращаемся на сегодняшний деревенский базар, посещаем дворцовые приемы могольских владык, пересекаем «Черные воды» – Аравийское море или Индийский океан и следим за приключениями артистических «Восточных компаний» и отдельных смелых и предприимчивых людей. «О левитирующих брахманах и пророчествующих обезьянах», «Сбрасывая сеть Индры», «Любители джиннов», «При царском дворе», «Ложе из гвоздей», «Дитя фокусника», «Трюки ремесла», «Пересекая Черные воды», «Мотилал, менеджер магов», «Появление факира», «Самый знаменитый трюк, которого еще никто не делал», «Махараджа магии». В каждом разделе описано бесчисленное количество отдельных историй, и во всех так или иначе представлены опорные пункты, вокруг которых кружится все повествование. Повествование, согласуясь с природой магического шоу, кружится, движется вперед, возвращается к началу. Главное каждый читатель должен обнаружить сам: как кролик, оно спрятано в глубине историй, биографий, исторических панорам и мельчайших деталей быта и повседневности.

Я увидела четыре важнейшие проблемы, к которым так или иначе автор обращается на протяжении всей книги и которые тщательно «окапывает», подобно садовнику, любовно обрабатывающему дерево.

Первая проблема – существенная для всякой индийской антропологической работы – это *проблема идентичности*. Человек в индийском обществе определяется прежде всего по тому, как он выполняет возложенные на него функции, каков его социальный профиль и каковы занятия.

Кто они такие, маги, мистификаторы, фокусники, акробаты, и так далее и тому подобное? Кто, собственно говоря, находится в центре внимания автора? Как можно очертить их круг? Идет ли речь об одной касте или группе близких каст, как сопрягаются между собой эти артисты, происходящие из разных ареалов Южной Азии? Джон Зубржицки в нескольких местах обращается к теме идентификации главных героев своего повествования. Как их обозначают другие? Как они обозначают сами себя?

Множество разных групп объединяется под такими условными обозначениями как *джаду-валла*, *тамаша-валла* (*тамаша* – «зрелище», «комедия», представление, чаще всего разыгрываемое на ярмарках и празднествах, обычно исполняемое труппами, которых могут нанимать, в том числе это делали пешвы Махараштры и устраивали шоу в армейских гарнизонах), *мадари*, *майя-кари*, *каландары*, *санпера* (*санпера*, *санп-валла* – заклинатели змей). К ним примыкают *катхпунтли-валла* – кукольники и *бахуруния* – артисты, изображающие героев эпоса и разных мифологических

и исторических персонажей, что-то среднее между пародистами, клоунами и актерами.

Банджара, нат, базигары, канджары в общественном мнении нередко уподобляются цыганам; некоторые из них в эпоху Британской Индии входили в категорию т. н. «криминальных каст». Но, как это ни покажется удивительным, к показу фокусов прибегали также иногда и отшельники и аскеты *садху*, и даже джайнские аскеты, чтобы заработать милостыню: *видджапинда* – фокусы, *манта* – заклинания и *джоги* – трюки упоминаются в джайнских текстах.

Группы, касты, труппы лежат в центре внимания Джона Зубрички, но не меньше усилий он тратит и на изучение индивидуальных историй, многие из которых словно бы «вспарывают» привычную картину. Кто-то попал в сообщество фокусников случайно – подобно Баблу, герою фильма Сандипа Роя «Пхатик Чанд» (1983), похищенного бандитами, но выпавшему из попавшей в аварию машины и потерявшему память.

Для кого-то занятие фокусничеством или другим подобным ремеслом становится неизбежным, хотя и нежелательным, к нему люди прибегают по необходимости. Идентичность героя подчас оказывается ускользающей. Но интересно, что представители этих профессий не исчезают, хотя в наши дни их число и разнообразие и стало меньше. На это работают Закон о запрете попрошайничества, Закон о защите дикой природы, запреты держать в неволе диких животных – нельзя сказать, что все они хорошо соблюдаются, однако само наличие их – сдерживающий фактор. На улицах индийских городов сегодня практически невозможно встретить тех, кто еще в 1920–1930-е гг. водил медведей, да и меньше стало водящих обезьян.

Второй сложный вопрос, к которому обращается автор, – *какова преемственность этих сообществ?*

Наличие артистических сообществ, специализирующихся в том или ином ремесле, зафиксировано в древнеиндийских текстах, начиная с ведийских текстов. «Древняя Индия была землей, где магическое знание контролировалось ритуалом» – указывает автор, имея в виду прежде всего ведийский ритуал, «Один из главных богов древних ариев, известный по текстам Вед, Индра, выступал как великий маг, умеющий создавать *джалу*, магическую “сеть”, которая окутывала мир, спасала его от демонических сил, а также давала людям смысл жизни Индры». Цель – сбить врагов с толку. Создание иллюзии. *Индраджала* – сеть Индры, так до сих пор называют в целом «магию», «магические приемы», это слово вошло в число идеом, известных практически во всех языках Индии, подобно понятию *Лакшман-рекха* – магическая линия, прочерченная Лакшманом, чтобы уберечь Ситу.

В *Ригведе* упоминается о колдовстве, которое умеет совершать Индра против своих врагов; еще больше материала, свидетельствующего о магических практиках, содержится в *Архарваведе*. В *Артхашастре* и в буддийской литературе, в частности в *джатаках*, упоминается о магии, а также о магах, фокусниках и прочих подобных социальных группах, специализирующихся на демонстрации чудес. Еще больше такого материала в художественной литературе, в травелогах и сочинениях путешественников, посещавших Индию.

Фокусники, факиры, акробаты, жонглеры, появляющиеся при дворе правителей, хорошо описаны в сочинениях эпохи Моголов. Так, Джон Зубржицки начинает свое повествование с цитирования одного источника начала XVII в., в котором зафиксированы воспоминания Джахангира, сына императора Акбара, знатока искусств и любителя всякой экзотики. Там содержится интересный фрагмент, подробно описывающий представление труппы из семи фокусников из Бенгалии, поразивших воображение придворных и самого императора. Увиденные и описанные трюки дошли до наших дней, и ныне практикуются некоторыми труппами, в частности артистами, встреченными автором в районе Дильшат Гарден в Дели.

Преемственность можно обнаружить двух типов: семейную, наследственную, и профессиональную – во втором случае она передается посредством конкретных трюков, ставших исполнительскими номерами, секреты которых (*кхас*) обычно тщательно оберегаются от глаз посторонних. Так, знаменитый трюк мангового дерева, когда на глазах изумленной публики маг мгновенно вырастивает из косточки дерево, которое начинает цвести, затем плодоносить, а потом исчезает, описан в воспоминаниях императора Джахангира и был наблюдаем автором рецензируемой книги практически в неизменном виде.

Так возникает и третья тема, связующая все повествование: *репертуар*. Какие конкретно трюки практикуют маги, фокусники и прочие артисты? Левитация. «Великий индийский трюк с корзиной»: в пустую корзину ложится мальчик, и его словно бы режут и колот мечом, показывается кровь, но потом он встает невредимый. Трюк с веревкой: мальчик забирается по ней к чему не подвешенной веревке, торчащей вверх, словно по воздуху. Книга, со страниц которой материализуются существа, предметы и целые сцены. Зеркала, которые отражают поразительный, ослепляющий зрителей свет. Цветок, положенный в воду, несколько раз на глазах меняет свой цвет. Из пустого мешка вынимают бойцовских петухов. Глотают огонь и цепи. Змеи, появляющиеся изо рта. Каждый из этих трюков имеет почтенную историю, линию пере-

дачи и окружен множеством смыслов и интерпретаций, а также и просто анекдотов.

Автор также немного касается вопроса их возможного *происхождения*; некоторые приемы восходят к йогическим практикам, к воинскому искусству, к обрядовым действиями, связаны со священными культурами. Так, к публичному членовредительству, сочетающемуся с экстазом, прибегают адепты южноиндийского культа Муругана: они прокалывают себе язык и щеки острыми металлическими палочками; в рамках обряда *чорок* Западной Бенгалии преданные Шиве подвешивают себя за крюки к потолку или к столбу и довольно продолжительное время там висят и раскачиваются. Демонстрация чудес известна и в рамках традиций *бхута-кола* прибрежной Карнатаки и *тейям* северной Кералы, где имперсонаторы иногда бросаются в костры с горящими углями или на кусты с острыми колючими шипами, после чего выходят к зрителям невредимыми.

Наконец, четвертая тема, которая с неизбежностью возникает при разговоре о любых социальных группах и сообществах, это их *социальный статус и особенности взаимосвязей, взаимоотношений с другими группами*.

С одной стороны, это вопрос о взаимосвязях людей – видимых, очевидных, происходящих на ярмарках, на выступлениях, взаимоотношениях артистов и их патронов, и невидимых – где и как они живут, кто их соседи и как они к ним относятся, как и где питаются, как распределяются и выполняются их повседневные нужды. Совершенно верно автор указывает подвижный характер их жизни, в большинстве случаев до недавнего времени эти сообщества не имели постоянного жилья, не были надолго привязаны к конкретному месту, были бродячими группами, хотя и могли перемещаться в не очень большом радиусе. Известно, что их объединяли в рамках одного класса, *бара пал* – «двенадцать групп», которые имеют право вкушать пищу совместно. *Артхашастра* была одним из первых текстов, зафиксировавших их положение и особенности их профессиональной деятельности. Заклинатели змей, водящие обезьян и медведей, кукольники, сказители, артисты, принимающие разные личины (*бхагатия*, *бахурупия*), акробаты (*лангхика*), актеры (*ната*). Однако не менее интересно – и это ускользнуло от внимания автора, – что они занимались различными занятиями, нередко выполняли функции, смежные с другими профессиями. Так, члены трупп *натуа* в западном районе штата Западная Бенгалия, Пурулиа, ныне показывающие представления, похожие на цирковые, члены трупп, практикующих воинские искусства и известных под названием *райбаниши*, расселенные в районах Муршидабад, Миднапур и Банкура, а также *пайк* Ориссы показываю-

щие одновременно являлись борцами, носителями паланкинов, грузчиками, телохранилителями и гонцами. Они занимались землевладениями, различными местными феодалями и выполняли для них разную работу. В ряде случаев они представляли собой парамилитарные сообщества, были одновременно воинами и земледельцами. Одним из сегментов их деятельности были и артистические занятия, которые вышли на первый в ситуации серьезных экономических и социальных перемен 1940–1950-х гг.

С одной стороны, артисты могли быть специализированы: группы, занимающиеся только акробатикой, выполняющие определенный набор трюков. С другой стороны, они были неизбежно связаны с другими занятиями: продажей лекарств, гаданием, предсказаниями, сказительством, а в ряде случаев и с криминальной деятельностью.

Все артистические сообщества имеют низкий и очень низкий статус в традиционном брахманическом индийском обществе; при этом Зубржицки обращает особенное внимание на эпоху и процессы модернизации, на появление профессионального сценического представления чудес, коммерческих «магических шоу», а также на выезд индийских магов, фокусников, гипнотизеров и акробатов за рубеж. Появление индийских артистов на западном рынке развлечений, и особенно фигура такого известного фокусника, как P.C. Sorcar Sr., – интереснейшая и наиболее проработанная область всей этой обширнейшей темы. Автор прослеживает истории отдельных антреприз, гастролей, трупп, которые в некоторых случаях заканчивались весьма плачевно для индийских артистов, но в других – принесли им деньги и славу.

В конце своего повествования Зубржицки рассказывает о своеобразном районе в Дели – колонии, неформальном поселении многих бедных артистов (особенно кукольников, раджастанской традиции *катхпутли*), сложившемся в конце 1960-х гг. около Шадиपुर депо, практически как трущобы. Существование этого поселения можно обозначить словами «призрачная реальность»: оно то укреплялось и оформлялось, то рассеивалось, то ему грозило полное уничтожение ввиду готовящейся застройки. Раджив Сетхи и другие активисты, обратившие внимание на плачевное состояние множества традиционных индийских артистических семей, едва сводящих концы с концами и находящихся в маргинальном положении как социально, так и экономически, способствовали их объединению, формированию обществ, направленных на развитие и поддержку этим людям и этим традиционным занятиям. Так появились Society of Neglected and Forgotten Artists (Общество отверженных и забытых артистов), Society of Indian Magicians (Общество индийских магов), Society for Uplifting Traditional Magic and Performing

Arts (Общество по поддержке традиционной магии и исполнительских искусств). Некоторых артистов время от времени приглашают для участия в выставках, ярмарках, для проведения социальных и корпоративных мероприятий и акций. Все же в основном как сами артисты, так и их искусство все больше и больше маргинализируются и вытесняются на задворки современной городской жизни. Тем не менее Джон Зубржицки заканчивает свою книгу на оптимистической ноте: его историческое исследование, наблюдение за сегодняшним – весьма непростым – положением артистов и беседы с теми, кто относится к ним с сочувствием и оказывает им действительную помощь, все-таки свидетельствуют о том, что «искусство магии» выживет, найдет себе тропинку в будущее. Ведь гибкость, импровизация и позитивное мышление лежат в основе этого ремесла, этого искусства и этой профессии.

Благодарности

Статья написана в рамках НИР С.И. Рыжаковой в Институте этнологии и антропологии РАН; полевой материал собран в рамках проекта С.И. Рыжаковой «Одержимость, служение, лицедейство: о границах и взаимосвязи индивидуального транса, религиозного почитания и художественного начала в индийских артистических традициях», грант РФФИ № 18-09-00389.

Acknowledgements

This study is done as a part of research by Svetlana Ryzhakova in Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science; the fieldwork material collected by Dr. Svetlana Ryzhakova within the project “Possession, devotion, performance. On the borders and interconnections of personal self-possession, worship and artistic experience in Indian artistic traditions”, grant of Russian Foundation for Fundamental Researches, № 18-09-00389.

Литература

- Бэшем 2000 – *Бэшем А.Л.* Чудо, которым была Индия. М.: Восточная литература, 2000. 616 с.
- Basham 1954 – *Basham A.L.* The Wonder that was India. London: Sidgwick and Jackson; New York: Macmillan Company, 1954. 578 p.
- Zubrzycki 2018 – *Zubrzycki J.* Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India. New Delhi: Picador India, 2018. 457 p.

References

- Basham, A.L. (2000), *Chudo, kotorym byla Indiya* [The Wonder that was India], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Basham, A.L. (1954), *The Wonder that was India*. Sidgwick and Jackson, London, UK; Macmillan Company, New York, USA.
- Zubrzycki, J. (2018), *Jadoowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India*, Picador India, New Delhi, India.

Информация об авторе

Светлана И. Рыжакова, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32А; SRyzhakova@gmail.com

Information about the author

Svetlana I. Ryzhakova, Dr. of Sci. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119991; SRyzhakova@gmail.com